

УДК 378.115.15+316.7

Л. Б. Зубанова, С. Б. Синецкий

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ*

Аннотация. В данной статье авторы обращаются к проблемам оценки результативности культурной политики. Осмысляются стратегические и тактические ориентиры и показатели эффективности ее развития в современной России. Обобщаются результаты общероссийских опросов студентов, проведенных авторами в трех городах России (Москва, Екатеринбург, Челябинск).

Ключевые слова: культура, культурная политика, результативность культурной политики, опросы, студенчество.

Zubanova L. B., Sinetskii S. B.

THE PERFORMANCE OF CULTURAL POLICY: STRATEGIC ORIENTATIONS AND SOCIOLOGICAL INDICATORS

Abstract. In this article, the authors address the problems of assessing the effectiveness of cultural policy. Strategic and tactical guidelines and indicators of efficiency of its development in modern Russia are conceptualized. The results of all-Russian surveys of students conducted by the authors in three cities of Russia (Moscow, Yekaterinburg, Chelyabinsk) are summarized.

Keywords: culture, cultural policy, effectiveness of cultural policy, surveys, students.

Результативность культурной политики – проблематика, с одной стороны, провоцирующая устойчивый интерес исследователей [1, 2], с другой – вызывающая ряд затруднений вследствие сложности и неоднозначности формирования объективной системы оценки ее эффективности [3]. В целом результативность культурной политики может определяться как на уровне стратегических приоритетов, так и выражаться в измеряемых показателях (тактический уровень реализации). Стратегические приоритеты, на наш взгляд, связаны со стабильной воспроизводимостью требуемых культурных норм и ценностей в границах обозначенного культурным политиком региона [4, с. 267].

Тактический уровень реализации государственной культурной политики, как правило, фиксируется в динамике числовых показателей, отражающих различные аспекты функционирования сферы культуры (достижение целевых индикаторов, обозначенных в отчетных и программных документах министерств и ведомств). Своеобразным «соединяющим мостом» указанных уровней могут рассматриваться количественно-качественные показатели, основанные на результатах репрезентативных опросов целевых

* Исследование осуществлено в рамках программы грантов президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ № 3200.2018.6), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего»

групп, отражающих эффективность «культуры в действии» [5, 6]. О необходимости «обратной связи» с аудиторией заявлялось и в Указе Президента Российской Федерации об утверждении основ государственной культурной политики [7].

В 2018–2019 годах авторами были проведены общероссийские опросы студенческой молодежи в трех городах России: Москве, Екатеринбурге, Челябинске. Выбранные города репрезентировали три типа социально-культурных локаций: центр культурной жизни (Москва), культурно-креативный деловой плацдарм (Екатеринбург) и индустриально-периферийный культурный локус (Челябинск). Всего в трех городах было опрошено 1750 респондентов – студентов ведущих вузов.

Содержание осуществляемой государственной культурной политики страны видится молодежью в большей мере как репрезентация прошлого (ранее достигнутых достижений, побед, в разные исторические периоды), чем «прорисовка» образов будущего. Так, ретростратегии государственной культурной политики отмечались 40 % студентами Москвы, 41 % студентами Екатеринбурга и Челябинска; в то время как ориентированность на перспективу была отнесена к аутсайдерским позициям в каждом из исследуемых городов: 17 % (Москва), 16 % (Екатеринбург), 12 % (Челябинск). Принципиальным показателем эффективности культурной политики, на наш взгляд, является именно «стыкуемость» прошлого и будущего в мыследеятельностных практиках современного поколения, возможность использования прошлого при планировании перспектив собственной жизни. В то же время ожидания молодежи во многом связаны с формированием представлений о будущем, чего очевидно не хватает в современной культурной политике страны.

Внимание государства к сфере культуры на современном этапе, в представлениях опрошенных студентов можно обозначить термином «периферийность»: так, наименьший процент ответов фиксировался при выборе позиции «культура может рассматриваться как приоритетная сфера государственных интересов» (в Москве – 10 % ответов, в Екатеринбурге – 7,6 %, в Челябинске – 6,8 %). В противовес этому вариант ответа «культура находится на периферии государственных интересов» оказался лидирующим в каждом из городов (Москва – 39 % ответов, Екатеринбург – 38,9 %, Челябинск – 40,8 %). При этом мнение студенческой молодежи о необходимой направленности государственной культурной политики связывается, скорее, не с мировоззренческим (обозначение содержательных приоритетов, ценностей и идеалов духовного развития общества), а с техническим администрированием деятельности учреждений культуры и искусства, повышением культурного уровня населения и созданием условий (прежде всего материальных) для развития и творческого самовыражения профессиональных деятелей культуры и искусства (без вмешательства в содержание их работы).

Стратегические задачи культурной политики, как уже подчеркивалось нами ранее, не исключают и обращенности к конкретно-прикладным аспектам оценки качества культурно-художественной и культурно-досуговой среды территорий. Опираясь на резуль-

таты проведенного нами исследования, в целом можно говорить об определенной стабилизации включенности студентов в культурно-художественную жизнь своего города. При осуществлении процедуры укрупнения показателей (суммирование процентов ответов в графах: «гораздо чаще», «немного чаще» и противоположных позиций – «гораздо реже», «не посещаю вовсе»), ситуация выглядела следующим образом:

– *кинотеатры*: незначительное увеличение контактов в Москве и значительное увеличение (более чем на 10 % в сравнении с отрицательными позициями ответов) в Екатеринбурге и Челябинске;

– *театры*: увеличение контактов в каждом из трех городов;

– *картинные галереи*: увеличение контактов в Москве и значительное (более чем на 10 % в сравнении с положительными позициями ответов) сокращение контактов в Екатеринбурге и Челябинске;

– *краеведческие музеи*: сокращение контактов в каждом из трех городов;

– *библиотеки*: значительное сокращение контактов в каждом из трех городов;

– *концертные залы (филармонии)*: относительное равновесие между положительными и отрицательными выборами (в сторону незначительного усиления позиций увеличения контактов).

Как видим, лидирующие позиции частоты посещения связаны с деятельностью кинотеатров (что вполне объяснимо в силу массовости, зрелищности и устойчивой популярности данной культурной практики среди молодежной аудитории), театров (синтетическое искусство, соединяющее драматические, музыкальные, художественно-пластические элементы воздействия на публику) и концертных залов (разнообразии транслируемых форматов художественного предложения). Тем не менее в отношении учреждений культуры, ориентированных преимущественно на сохранение и трансляцию культурно-художественного достояния (библиотеки, краеведческие музеи) – наблюдается явный спад интереса студенческой молодежи.

Интересным видится распределение внимания молодежи в отношении передач и программ об искусстве и культуре на телевидении и в сети Интернет. Здесь явно наблюдается не столько приоритет контента, сколько формат его донесения (безусловно, по-своему влияющего на контент, а в некоторых случаях – и значительно трансформирующего содержание): при выборе телевидения лидирующими ответами среди студентов всех городов стали: «внимание осталось на прежнем уровне», «не смотрю (и не смотрел раньше) программы о культуре и искусстве»; при выборе сети Интернет: «стал уделять гораздо больше времени просмотру интернет-материалов о культуре и искусстве», «стал уделять немного больше времени просмотру интернет-материалов о культуре и искусстве».

Исходя из вышесказанного, можно зафиксировать латентный конфликт в системе коммуникаций институтов, отвечающих за формирование и реализацию культурной политики и молодежной студенческой аудиторией. Данный конфликт объективируется,

вероятно, разными коммуникативными компетенциями субъекта культурной политики и объекта ее влияния. Соответственно, можно прогнозировать постепенное снижение ассимилирующего потенциала традиционной культуры (при сохранении архаичных форм ее администрирования) и рост конгломеративности и инновационности реальных культурных практик.

Литература

1. Астафьева О. Н., Синецкий С. Б. Философские и прикладные аспекты культурной политики на поселенческом уровне // Вестн. культуры и искусств. 2017. № 4 (52). С.70-80.
2. Культура. Власть. Общество: пути реализации государственной культурной политики : материалы межрегион. науч.-практич. конф. / науч. ред. и сост. Н. Б. Кириллова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 192 с.
3. Кумачева О. В. Возможности эмпирических исследований и количественные оценки результативности культурной политики // Науч.-информ. журнал «Культурное наследие России». 2015. № 3 (10). С. 24–33.
4. Синецкий С. Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего. Челябинск : Энциклопедия, 2011. 288 с.
5. Быховская И. М. Прикладная культурология: потенциальное vs актуальное // Обсерватория культуры. 2011. №4. С. 4–12.
6. Зубанова Л. Б., Рушанин В. Я. «Культура в действии»: социологический мониторинг эффективности культурной политики // Науч.-информ. журнал «Культурное наследие России». 2015. № 3 (10). С. 46–52.
7. Основы государственной культурной политики : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 24.12.2014 № 808 // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2014. № 52 (часть I), ст. 7753.